

Мей Лев Александрович - известный поэт. Родился 13 февраля 1822 г. в Москве; сын обрусевшего немца-офицера, раненного под Бородином и рано умершего; мать поэта была русская. Семья жила в большой нужде. Учился Мей в Московском дворянском институте, откуда был переведен в Царскосельский лицей. Окончив в 1841 г. курс, Мей поступил в канцелярию Московского генерал-губернатора и прослужил в ней 10 лет, не сделав карьеры. Примкнув в конце 40-х годов к "молодой редакции" Погодинского "Московитянина", он стал деятельным сотрудником журнала и заведовал в нем русским и иностранным литературным отделом. В начале 50-х годов Мей получил место инспектора 2-й московской гимназии, но интриги сослуживцев, невзлюбивших кроткого поэта за привязанность к нему учеников, вскоре заставили его бросить педагогическую деятельность и перебраться в Петербург. Здесь он только числился в археографической комиссии и отдался исключительно литературной деятельности, принимая участие в "Библиотеке для Чтения", "Отечественных Записках", "Сыне Отечества", "Русском Слове" начальных лет, "Русском Мире", "Светоче" и др. Крайне безалаберный и детски нерасчетливый, Мей жил беспорядочной жизнью литературной "богеми". Еще из лицея, а больше всего из дружеских собраний "молодой редакции" "Московитянина" он вынес болезненное пристрастие к вину. В Петербурге он в конце 50-х годов вступил в кружок, группировавшийся около графа Г.А. Кушелева-Безбородка. На одном из собраний у графа Кушелева, на котором было много аристократических знакомых хозяина, Мея просили сказать какой-нибудь экспромт. Прямодушный поэт горько над собой посмеялся четверостишием: "Графы и графини, счастье вам во всем, мне же лишь в графине, и притом в большом". Большие графини расшатывали здоровье Мея и порой доводили его до совершенной нищеты. Он сидел в лютые морозы в нетопленной квартире и, чтобы согреться, раз рубил на дрова дорогой шкаф жены. Беспорядочная жизнь надорвала его крепкий организм; он умер 16 мая 1862 г. Мей принадлежит, по определению Аполлона Григорьева, к "литературным явлениям, пропущенным критикой". И при жизни, и после смерти, им мало интересовались и критика, и публика, несмотря на старания некоторых приятелей (А.П. Милюков в "Светоче" 1860 г., № 5, Аполлон Григорьев, Вл. Р. Зотов, в первом томе Мартыновского издания сочинений Мея) возвести его в первоклассные поэты. Это равнодушие понятно и законно. Мей - выдающийся виртуоз стиха, и только. У него нет внутреннего содержания; он ничем не волнуется и потому других волновать не может. У него нет ни глубины настроения, ни способности отзываться на непосредственные впечатления жизни. Весь его чисто внешний талант сосредоточился на способности подражать и проникаться чужими чувствами. Вот почему он и в своей замечательной переводческой деятельности не имел любимцев и с одинаковой виртуозностью переводил Шиллера и Гейне, "Слово о полку Игореве" и Анакреонта, Мицкевича и Беранже. Даже в чисто количественном отношении поэтическое творчество Мея очень бедно. Если не считать немногочисленных школьных и альбомных стихотворений, извлеченных после смерти из его бумаг, а брать только то, что он сам отдавал в печать, то наберется не более десятков двух оригинальных стихотворений. Все остальное - переложения и переводы. А между тем писать Мей стал рано и в 18 лет уже поместил в "Маяке" отрывок из поэмы "Гванагани". Почти все оригинальные стихотворения Мея написаны в "народном" стиле. Это - та археологически-колоритная имитация, которая и в старом, и в молодом "Московитянине" считалась квинтэссенцией народности. Мей брал из народной жизни только нарядное и эффектное, щеголяя крайне вычурными неологизмами ("Из белых из рук выпадчивый, со белой груди уклончивый" и т. п.) - но в этом условном жанре достигал, в деталях, большого совершенства. Переимчивый только на подробности, он не выдерживал своих стихотворений в целом. Так, прекрасно начатый "Хозяин", изображающий томление молодой жены со старым мужем, испорчен концом, где домовая превращается в проповедника супружеской верности. В неподдельной народной песне старый муж, взявший себе молодую жену, сочувствием не пользуется. Лучшие из оригинальных стихотворений Мея в народном стиле: "Русалка", "По грибы", "Как у всех-то людей светлый праздничек". К стихотворениям этого рода примыкают переложения: "Отчего перевелись витязи на святой Руси", "Песня про боярина Евпатия Коловрата", "Песня про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую", "Александр Невский", "Волхв" и перевод "Слова о полку Игореве". Общий недостаток их - растянутость и отсутствие простоты. Из стихотворений Мея с нерусскими сюжетами заслуживают внимания: "Отойти от меня, сатана" - ряд картин, которые искушающий диавол разворачивает перед Иисусом Христом: знойная Палестина, Египет, Персия, Индия, угрюмо-мощный Север, полная неги Эллада, императорский Рим в эпоху Тиверия, Капри. Это - лучшая часть поэтического наследия Мея. Тут